

# Тот этот свет

Фильм "Он не завязывал шнурки".  
Режиссер Александр Черных

Культура.  
1998.

23-29 июля  
с. 11

Модное в кинокритической среде словечко "мэйнстрим" предполагает как минимум ясное направление движения. Фильм Александра Черных "Он не завязывал шнурки" симпатичен мне прежде всего тем, что вовсе не совпадает с "мэйнстримом" нашего многострадального кинопроцесса — скорее он перпендикулярен движению.

Сценарий Валерия Залотухи странен, как может быть странной всякая история, помещенная в лабораторную колбу, оторванная от конкретных привязок социально-исторических обстоятельств. Фильм Александра Черных получился, видимо, еще более странным. На театральной сцене, где условность задана самой природой зрелища, эта история смотрелась бы вполне органично, но для киноэкрана она чужда и, на первый взгляд, даже чужда ему. Реальность крупного плана вроде бы должна вступать в противоречие с абсолютной нереальностью сценарной конструкции, концентрированными диалогами, гиперреализмом, сгущением красок и интонаций в вымышленном экранном мире.

Между тем все получилось у А. Черных и его совместной российско-польской команды вполне симпатично — в меру забавно и уж точно ненавязчиво. Кажется, режиссеру удалось найти единственно верную интонацию при переносе условно-метафорической драмы на экран. Легкая игра, где все понарошку —

от родных помоек и подвалов — в Польшу и даже на Мальдивы. Результат — абсолютно европейская картинка. Мир, выстроенный по причудливым законам условного искусства со странными цветовыми сочетаниями, с реальными предметами, помещенными в ирреальные пространства, мир, в котором тот и этот свет, кажется, поменялись местами: загробное царство представляется таким профсоюзным домом отдыха, зато интерьеры, где обитают живые люди, кажутся inferнальными, таящими в себе адские загадки и угрозы.

Странные ассоциации с Орфеем, спускавшимся в царство мертвых за своей Эвридикой, странны лишь на первый взгляд. Разумеется, Станислав не Орфей, а уж Виктория с ее стержневостью на романтическую Эвридику и вовсе не тянет. Но это видно нам. Находясь же внутри истории, они сами кажутся друг другу то адскими созданиями, а то и вправду Орфеем и Эвридикой. Разница лишь в том, что Орфею подлинному было велено не оборачиваться, выводя из ада возлюбленную, — невозможно жить с оглядкой на смерть. Герои же фильма А. Черных только и делают, что оглядываются на смерть, пытаясь с ее помощью понять жизнь.

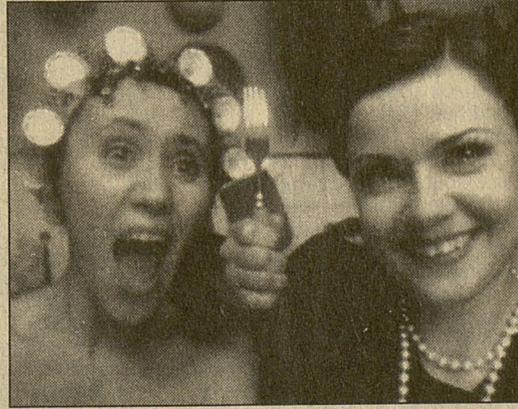
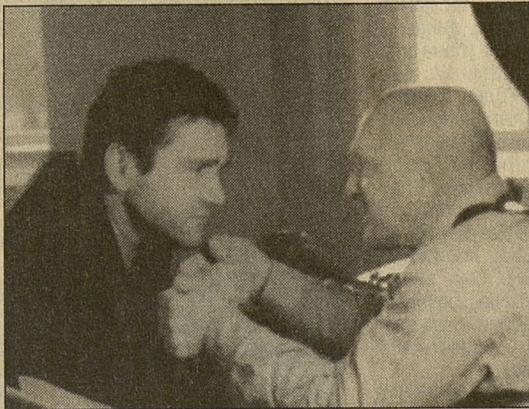
Забавно, что типологической приметой героя может стать завязывание шнурков. Впрочем, Сергей Маковецкий, сыгравший этого

отличности, отдельности, непохожести каждого на других, в его праве на собственное "я". И еще (как это имеет место в конкретной, рассказанной с экрана истории) в том, что важнее и сильнее — эта самая непохожесть или любовь, заставляющая одного человека подстраиваться под другого, уступать ему, преодолевать свои любимые привычки, причуды и комплексы.

Фильм о прозаических шнурках и их хозяине в конечном итоге оказывается очередной историей любви. Пусть и несколько экстравагантной. Пусть и обремененной в причудливую форму.

Любовь, доходящая до ненависти, и ненависть, оборачивающаяся любовью, — все эти переходы, перепады настроений, сиюминутные изменения ритма (при внешней статичности и даже медлительности картины) сыграны Сергеем Маковецким и Татьяной Яковенко точно, стильно, с абсолютным соблюдением правил игры, предложенных драматургом и режиссером. К двум российским именам следует, пожалуй, добавить еще поляка Олафа Любашенко в эксцентрической роли, хотя в этой картине нет ролей неэксцентрических. Но Любашенко, работавший прежде с великим реалистом Кесслевским, оказался особенно хорош в сюрреалистической клоунаде.

Еще раз вернусь к тому, с чего начал. "Он не завязывал шнурки" — безусловная "обочина" кинопроцесса, определяющего сегодня



Кадры из фильма

смерть, бизнес, страдание, преступления и их расследование, тот и этот свет... Все, кроме любви. Любовь и только любовь есть единственное, что серьезно и что может перекидывать человека из ночи в день и из смерти в жизнь.

Такова изначальная концепция. Понимаю, как непросто было выдержать единый стиль, не проколоться на жизнеподобии или мнимой социальности, которая, как известно, выпирает у нас из любого текста. На всякий случай, съемочная группа отправилась подальше

самого вроде бы рассеянного, вроде бы не от мира сего человека, рассказал, что в Америке сегодня множество подростков тоже не завязывают шнурки. Ходят по улицам, заходят в лифты и магазины. Что это? Форма социального протеста? Элементарная расхлябанность? Наверное, все сложнее. Зачем утром наклоняться и завязывать шнурки, если вечером их снова придется развязывать? В данном случае это не лень, а философия, образ мышления. В конце концов дело вовсе не в шнурках, а в

(особенно после последнего "михалковского" съезда) совсем иными векторами. Все более утверждаются эпос и пафос, все менее будут заметны ирония и условность, не отягощенные к тому же сложностью формы. Тем ценнее то, что попытался сделать Александр Черных, напомнивший о величии и универсальности несерьезных кинематографических игр.

Александр  
КОЛБОВСКИЙ